

ПОСТАВЛЯЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭТНОЛОГОВ В УСЛОВИЯХ “ПРОЕКТНОЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ”

Ключевые слова: этнография, междисциплинарность, проектизация, коммерческая реструктуризация науки, дисциплинарная идентичность

В статье анализируются новые условия, в которых сегодня существуют гуманитарные науки, особое внимание уделено обозначившимся в результате *проектизации* вызовам институциональным основаниям и восприятию дисциплинарной идентичности. В фокусе исследовательского интереса — изменения в восприятии и перформативных аспектах этнологии в контексте “проектной междисциплинарности”. В общем мозаичное пространство утверждений и устремлений различных наук этнология привносит главным образом символический капитал своего “знаменитого” этнографического метода и свежую перспективу. Однако в конечном итоге этнология, наряду со сложной и немного идеалистической *гуманистической этнографией*, зачастую лишается своих ключевых дисциплинарных опор. Сложившаяся тенденция приводит к тому, что профессиональные этнологи оказываются в роли “поставщиков материала” для анализа, и *через какое-то время* другими специалистами, участвующими в проекте, выдается конечный научный продукт.

Введение: признание роли институтов

Институты, подобные нашему (Институту этнологии и фольклористики Загреб-ба. — *Прим. пер.*)¹ — которым на протяжении десятилетий каким-то образом удавалось выживать в одном и том же формате, занимаясь “медленной” работой на перспективу в условиях более или менее радикальных преобразований, осуществляемых разными (общественно-политическими и научными) “режимами” — представляются своего рода пережитком, подлежащим демонтажу в контексте национальных бизнес-стратегий и стратегий финансовой оптимизации, реализуемых всеми хорватскими региональными и особенно европейскими правительствами. Ввиду ужесточения критериев успешности научной деятельности, которая теперь оценивается с точки зрения практической значимости, достижения отличных показателей и гибкости (см.: *Bagarić 2017; Petrić 2013*) и в результате замещения стабильной, долгосрочной государственной поддержки европейским проектноориентированным финансированием “старые” научные учреждения с их пресловутым стремлением к трудоустройству ученых на постоянной основе стали потенциальным врагом *здоровой научной экономики*. В охватившей всех и вся охоте на “паразитирующие элементы в государственном секторе” именно ученые-гуманитарии лучше всего подошли на роль неистребимого носителя *социалистического менталитета*, выживающего за счет государственных институтов. Более того, в обществах переходного периода

Инес Прица | ines@ief.hr | PhD, научный сотрудник | Институт этнологии и фольклористики (Šubićeva 42, 10000 Zagreb, Croatia)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Croatian Science Foundation [IP-2016-06-7388]

в условиях конкуренции различных политических амбиций появление интереса различных групп к “устаревшим” типам организационной деятельности приводит к тому, что цель *коммерческой реструктуризации* последних представляется в чисто идеологических терминах (Žitko 2011). Это подкрепляет непрекращающуюся реорганизацию отношений в академической среде — включая всевозможные внутренние конфликты и сделки, а также нарастающие расхождения в системных позициях по линии классовой, гендерной, возрастной и прочих принадлежностей, — грозя в конечном счете устранением ряда ее субъектов после оценки их “полезности” стейкхолдерами (см.: Prica 2017).

В результате формируется такая среда, в которой консолидация общих интересов — или даже борьба за выживание гуманитарных дисциплин — будет, похоже, также происходить по линии реорганизации существующих академических и институциональных элит, прежде всего в рамках процесса *проектификации*, который уже превратился в самостоятельный альтернативный режим осуществления научной деятельности в ситуации хронической нестабильности. Постоянную заботу о развитии и становлении отдельных гуманитарных дисциплин, некогда считавшуюся задачей (академических) институтов, теперь сменяет *modus operandi* краткосрочных “мозаичных” программ с жестким и даже довлеющим административным присутствием, с настоятельно рекомендуемыми методами и гипотезами исследований. Кроме того, отношения с грантодателями в такой среде предполагают молчаливое научное и общее послушание, а роль институтов сводится лишь к предоставлению базовой инфраструктуры и человеческих ресурсов.

С другой стороны, в условиях структурного кризиса и “абerrации гуманитарных дисциплин” (Bagarić, Biti, Škokić 2017; Petrić 2013), а также растущей нестабильности, особенно среди молодых ученых, преимущества беспрепятственной научной работы в условиях экзистенциальной безопасности наряду с общими достоинствами “медленной науки” все чаще переосмысливаются (см.: Mountz et al. 2015). Постоянные отсылки к “старым добрым ценностям” научной деятельности свидетельствуют о том, что сегодня мы пожинаем горькие плоды ее постинституционального, даже постнаучного периода, отмеченного ностальгией по идентичности гуманитарного поля, в его идеальном проявлении 1960-х годов.

Таким образом, вышеописанные обстоятельства требуют нового подхода к определению статуса гуманитарных дисциплин: если обычно этот статус рассматривался с точки зрения независимого, *горизонтального* их развития, то новый подход подразумевает (вос)создание таких междисциплинарных рамок, в которых идентичность конкретной дисциплины уступила бы место общей идентичности *гуманитарных наук*, характеризующейся междисциплинарной диалогичностью, а также направленностью в сторону социальных изменений — той самой направленностью, которая стала часто игнорироваться, если вообще не отсутствует сегодня в гуманитарных дисциплинах.

“Проектная междисциплинарность” и границы *гуманистической этнографии*

Тем временем на смену идеалистической концепции междисциплинарности как поля, где возможен диалог и объединение разных подходов в пределах общего объекта гуманитарного исследования, пришла более прагматическая “проектная междисциплинарность”. Для этой практики характерны противопоставление различных дисциплинарных и методологических интересов, смешение количественных и качественных научных методов и тенденция к *иерархизации знаний* как на основе “объективности” получаемых (предпочтительно с помощью количественных методов) результатов, так и на основе места, откуда инициируется исследование, причем

в последнем случае предпочтение скрыто или явно отдается центральным, а не периферийным взглядам (подробнее см.: *Buchowski 2004; Prica 1995*).

Что касается научного вклада этнологии, то прослеживается тенденция позиционировать его на уровне знания местного значения, предоставляющего лишь иллюстративный материал и примеры, а в конце концов — подтверждение исходной гипотезы с помощью фрагментарных текстуальных свидетельств *подлинного человеческого опыта*. Будучи представленной на этом “дисциплинарном рынке” символическим капиталом своего этнографического метода, этнология зачастую оказывается лишена эпистемологических основ, что не позволяет ей, как и *гуманистической этнографии*, полностью реализовать свой потенциал как научной дисциплины. В результате профессиональная деятельность этнологов сводится к *поставке материала* для дальнейшего анализа и “более поздней” доработки научного продукта. К тому же “литературность”, произвольность, неполнота и другие предполагаемые недостатки этнографического метода априори ставят его на более низкий уровень в сравнении с более *объективными* изысканиями, прежде всего знанием, полученным с помощью количественных методик.

Это вытеснение из гипотетической *сердцевины междисциплинарности* выражается в традиционно маргинальном статусе этнологии, в ее неопределенном эпистемологическом положении среди *дискурсов гуманитарных наук* (см., напр.: *Foucault 2002 [1966]*). Однако, возможно, это в большей степени связано с сегодняшним статусом этнографии как метода, занимающего одно и то же место во всех дисциплинах — амбивалентную методологическую позицию, позволяющую с легкостью воспроизводить иерархию “первичных прозрений” и “менее приземленного” знания. И если в новейшей истории своей научной дисциплины этнологи предприняли немало этико-эпистемологических усилий и не единожды отрекались от себя, перекраивая свой “позитивистский багаж”, применяя разные неточные способы верификации и передачи непосредственного исследовательского опыта для создания наиболее правдоподобных и корректных моделей его (ре)презентации, то сегодня этнография в своей “сырой” описательной форме легко становится основой для конечных аналитических доработок. Преимущественно посредством (крипто)количественных интервенций, заточенных на получение *практикоориентированных результатов*, этнографические фрагменты оказываются объектом интерпретаций, утрачивая в значительной мере достоверность вследствие заданной теоретической рамки и ситуационного контекста.

Таким образом, судьба опытного, документального, описательного этнографического дискурса — знаменосца качественного подхода в исследованиях и гаранта научной идентичности гуманистического типа — такова, что он оставляет после себя трудновыразимый профицит знания, причем не просто научного, но поистине *жизненного* знания. Это знание, приобретенное в полевых исследованиях, становится полем брани в деле позиционирования и проверки на состоятельность тех академических дисциплин, которые не способны в полной мере отразить человеческий опыт и в которые последний может быть лишь “пронесен контрабандой”. Однако этот профицит знания, как свидетельствуют факты, сегодня все чаще рассматривается не как “уникальный” в сфере разных наук и дискурсов, а как *бесполезный* или даже нежелательный; соответственно, он оказывается обреченным на общее состояние апатии и беспомощности, в котором в последнее время пребывают гуманитарные исследования.

В то же время проблема “правильной” гуманистической этнографии заключается и в трудности реализации ее на практике.

Многочисленные требования, которые на протяжении последних десятилетий предъявлялись к “культуре этнографического письма” — преимущественно связанные с неопределенными процедурами доказательства истинности описываемых

фактов, — нашли, пожалуй, наиболее полное отражение в известном “Манифесте этнографии” Пола Уиллиса и Мэтса Трондмана (*Willis, Trondman 2002*). В данной работе также обсуждается положение этнографии по отношению к дискурсам антропологии и социальной теории. Уиллис и Трондман отмечают и то, что длительный непосредственный контакт с другими людьми “в поле” не облегчает задачу описания их опыта, а, скорее, обеспечивает доверие авторской презентации “уникального понимания [этими людьми] воплощенного существования и сознания”, их ощущения того, что значит быть человеком. Понимание и представление опыта играют центральную роль как в эмпирическом, так и в теоретическом плане, поэтому “этнография и теория должны соединиться, чтобы дать конкретное понимание социального как возникшего изнутри и порожденного диалектически” (*Willis, Trondman 2002: 395*). Концепция *гуманистической этнографии*, по сути, предполагает, что в ней самой уже есть теоретическая составляющая: вместо того чтобы полагаться на “чрезмерно функционалистские, чрезмерно структуралистские и чрезмерно теоретизированные взгляды”, она отстаивает “позитивное развитие рефлексивных форм социального теоретизирования, предоставляя слово тем, кто непосредственно проживает свой опыт” (*Ibid.*).

По нашему мнению, теория должна быть не теорией ради самой себя, а полезной теорией, идущей в связке с этнографическими данными и “научной энергией”, исходящей от эффективной постановки проблемы. Она должна способствовать пониманию социальных феноменов применительно к этнографическому материалу. Так, нас не интересуют “большая теория”, “чистое” схоластическое мышление или “абстрагированный” эмпиризм. Мы стремимся к продвижению “теоретической грамотности”, “осмысленных концепций”, “аналитической аргументации” и любых других средств, с помощью которых можно было бы уловить закономерности в текстуре повседневной жизни, представленной в “чисто” описательной этнографии. Иногда эти средства можно объединять с целью создания и более связанных теоретических работ, но несмотря на то что мы, в общем, считаем себя частью широкого проекта рефлексивного понимания современного общества, мы видим себя таковой преимущественно на основе этнографического наблюдения преемственности и изменений (*Willis, Trondman 2002: 396*).

Теоретичность этнографии, таким образом, не есть нечто отдельное, нечто добавленное или противопоставленное ее описательности. Этнография не подлежит переформулированию в рамках других дискурсов или различным “междисциплинарным” доработкам, и “мы не желаем предоставлять этнографические данные для того лишь, чтобы склонить чашу весов к какой-либо из противостоящих друг другу или предзаданных теоретических установок либо чтобы проиллюстрировать их” (*Ibid.: 398*). Напротив, «мы утверждаем, что практика написания теоретически грамотных этнографических работ должна играть ключевую роль в преобразовании “теории” и поиске точек соприкосновения между теоретиками — представителями социальных дисциплин, а также в формировании новых направлений их мысли» (*Ibid.: 396*).

Идентификация, описание и анализ “общих” человеческих практик должны основываться на той открытости, что свойственна этнографии, на ее непредсказуемости и способности “удивлять” и должны создавать непредвзятое знание, обеспечивать условия для дальнейшего уточнения исходных теоретических позиций².

Указывающий на значимость опытного познания культурной ситуации во всей ее многогранности этнографический материал не является лишь общим хранилищем рудиментарных открытий, которое можно легко демонтировать и разложить на автономные линейные нарративы в соответствии с устоявшимися представлениями (или *политическими рекомендациями*).

Предварительным условием существования гуманистической этнографии является, следовательно, упразднение иерархии знания в любой форме ее априорной

“данности”. Однако остается вопрос: достижима ли в принципе такая “совершенная” этнография, и если да, то какой будет ее социальная роль в ближайшей перспективе?

Переоформатирование периферийной этнологии

Если согласиться с тем, что фундаментальная цель гуманистической этнографии — “изменение социального внутри социального” — не ограничивается рамками ее академического идеала, т.е. методологически адекватного описания возможностей социальной критики, а также изменений, заложенных в повседневную практику, то постколониальная критика поставила самый неудобный вопрос, касающийся ее потенциальной социальной ангажированности. Постколониальная критика как, возможно, наиболее сложная процедура рассмотрения последствий рациональных дискурсов с их предвзятой политикой репрезентации, приведшей к формированию и укреплению различных форм гегемонии, присоединяется к критике тех форм антропологического “научного активизма”, которые остаются в плену академизма.

Таким образом, с одной стороны, все виды вовлеченной этнографии в рамках западной антропологии, включая инновационные, направленные на изменения, и даже *воинствующие* ее варианты, продолжают спотыкаться на поле политик репрезентации и отстаивания тех или иных идей. С другой стороны, можно наблюдать и иной тип “активизма”, характерный для так наз. национальных этнологий в рамках континентальных/европейских научных традиций. Реализуя свою социальную агентность с помощью карнавального понятия “фольклор”, ибо народный фольклор нередко выступает как механизм для сопротивления гегемонистским отношениям посредством скрытых форм культурного противодействия, этот теоретический нарратив тем не менее в обществах потребления каким-то образом превратился в способ нейтрализации моделей сопротивления, когда через потребление и фетишизацию массовой культуры они оказываются сведены к “бунтарству” (см.: *Prica 2001*).

Таким образом, если сейчас перед нами встал вопрос о месте и ответственности этнологии в период глобального нелиберального кризиса гуманитарных наук, то мы должны спросить себя о том, как и до какой степени на нее повлияла пассивность, вызванная ее собственным (пост)парадигматическим кризисом.

Одним из важнейших последствий эпистемологической и академической реструктуризации дискурсов гуманитарных и социальных наук конца прошлого века стало то, что этнография (некогда “собственность” других дисциплин — этнологии и антропологии) была провозглашена независимой методологической областью, распространяющей свое влияние на все междисциплинарное пространство. Как инстанция, осуществляющая документирование человеческого опыта, этнография (манипулятивный позитивистский эпистемологический статус которой оказался тактично забыт) внезапно предстала гарантом эмпирической подлинности как “старых” академических дисциплин, вроде социологии и историографии, так и новых, вроде культурных исследований (*Cultural Studies*), стремящихся к синтезу всего гуманитарного поля.

Однако, как уже подчеркивалось выше, предъявление и легитимация этнографии в качестве общего гуманистически ориентированного пространства не привели автоматически к “междисциплинарной идиллии”: это означает, что методологические, теоретические и телеологические возможности этнографии уязвимы перед различного рода упрощениями и притязаниями извне.

Освободившись от эпистемологических и текстуальных ограничений, по большей части переведенных в постоянно действующий режим ожидания, этнография

оказалась в центре перераспределения дисциплинарной власти, особенно в контексте постсоциалистических трансформаций европейских иерархий знания (*Buchowski* 2006).

Эта *переходная* среда, возникшая в ходе длительного процесса *европеизации*, оказалась особенно благоприятной для воспроизводства научных и социальных систем подчинения. В эйфории отрицания прежних “идеологических диктатов” были упразднены традиция и практика — якобы неизбежно ограниченных и узкофункциональных — национальных этнологий (*Prica* 2004, 2006).

Этнологическое наследие Юго-Восточной Европы не смогло претендовать на равное положение на вновь созданном поле *европейской антропологии*. Исследовательский интерес сегодня практически всецело сместился в сторону изучения и документирования привлекательного этнографического материала в рамках собственных стран, хотя такой интерес отсутствовал в период социалистической модернизации, когда в дисциплину начали приходить теоретические и интерпретативные инновации. Таким образом, деятельность теоретически подкованных “этнологов переходного периода” свелась в сложившихся условиях по большей части к представлению сведений с мест и к сбору материала в локальной культурной среде.

Назрел, стало быть, и обоснованный аналитический интерес к возрождению заброшенного этнологического наследия, в особенности на пространстве бывшей Югославии. Среди результатов модернистских поворотов в мышлении и новых форм критического анализа, если оставить в стороне обычную и по сути редукционистскую критику идеологизированных местнических практик в науках стран Юго-Восточной Европы, были и более важные последствия. В частности, несмотря на расхожее представление о постсоциалистическом периоде как о начале “либерализации” и “нормализации” этих наук, необходимо отметить, что появление противоборствующих интересов вкупе с деструктивными тенденциями, сохранившимися с начала 1970-х годов, подготовили благодатную почву для демонтажа концепций нации и идентичности и способствовали распространению нового *антропологического* языка еще до того, как после 1989 г. началась открытая и целенаправленная адаптация местных этнологических традиций к (западным) антропологическим парадигмам. Более того, задача срочного этнографического документирования локального культурного материала в свете глобализации привела к регрессивному сдвигу в развитии научного описания: от современных рефлексивных форм последнее стало скатываться назад к позитивистским формам начала XX в.

Сегодня наша первоочередная задача — рассмотреть системные условия, способствующие “периферийности”, как порождение общей структуры глобального культурно-экономического неравенства. Разоблачение и ниспровержение политически конъюнктурных форм научной организации играют важнейшую роль в решении данной задачи.

Примечания

¹ Статья была впервые представлена по случаю 70-летия со дня основания Института этнографии в Белграде (Сербия). Институт этнологии и исследований фольклора в Загребе (Хорватия) отметил 70-летний юбилей в 2018 г.

² «Однако важнейшие аспекты повседневной жизни не могут быть представлены ни как сырой нетронутый материал — эмпирическая ошибка, что данные говорят сами за себя, — ни в качестве абстрактных теоретических категорий — теоретическая и идеалистическая ловушка и незаинтересованность в эмпирических результатах. <...> Этнография подробно регистрирует, как опыт и культура указывают на глубинные социальные и структурные изменения и позволяют формировать их. Но эти изменения и преемственность в них должны осмысляться способами, не присутствующими в самих этнографических данных. Искусство состоит в том, чтобы привести этот “зафиксированный опыт” к продуктивной и беспристрастной

связи с “теорией”, тем самым максимально освещая контекст изменений. (Подкрепленная теорией этнография) стремится установить продуктивные в аналитическом плане отношения между теорией и эмпирическим материалом — двумя наиболее важными полюсами или измерениями диалектики удивления, уходя, таким образом, от привычного изгнания теории в геттоизированные “теоретические разделы”, лишенные потенциала удивлять» (*Willis, Trondman* 2002: 399).

Пер. с англ. Е.М. Карагеоргий

Благодарности

Перевод статьи выполнен при финансовой поддержке Российского научного фонда, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 15-18-00099П].

Научная литература

- Bagarić P.* “Kriteriji izvrsnosti u humanistici” // *Stranputice humanistike* / Ur. P. Bagarić, O. Biti, T. Škokić. Zagreb: Institut za etnologiju i folkloristiku, 2017. Str. 75–88.
- Bagarić P., Biti O., Škokić T.* (ur.) *Stranputice humanistike*. Zagreb: Institut za etnologiju i folkloristiku, 2017.
- Buchowski M.* Hierarchies of Knowledge in Central-Eastern European Anthropology // *Anthropology of East Europe Review*. 2004. Vol. 22. No. 2. P. 5–14.
- Buchowski M.* The Specter of Orientalism in Europe: From Exotic other to Stigmatized Brother // *Anthropological Quarterly*. 2006. Vol. 79. No. 3. P. 463–482.
- Foucault M.* Riječi i stvari. Arheologija humanističkih znanosti. Zagreb: Goldenmarketing, 2002 [1966].
- Mountz A., Bonds A., Mansfield B. et al.* For Slow Scholarship: A Feminist Politics of Resistance through Collective Action in the Neoliberal University // *ACME: An International Journal for Critical Geographies*. 2015. No. 14 (4). P. 1235–1259. <https://www.acme-journal.org/index.php/acme/article/view/1058>
- Petrić M.* Akademski kapitalizam i uloga sociologije // *Revija za sociologiju*. 2013. No. 43. Str. 273–288.
- Prica I.* To Be Here — To Publish There: On the Position of a Small European Ethnology // *Narodna umjetnost*. 1995. Vol. 32. No. 1. Str. 7–25.
- Prica I.* Mala europska etnologija. Zagreb: Golden marketing, 2001.
- Prica I.* Nasljeđe jugoslavenskih etnologija i suvremeno istraživanje postsocijalizma // *Traditiones, Zbornik Instituta za slovensko narodopisje Instituta ZRI SAZU*. 2004. Nr. 33/1. Str. 19–35.
- Prica I.* Etnologija postsocijalizma i prije: Ili dvanaest godina nakon “Etnologije socijalizma i poslije” // *Devijacije i promašaji: etnografija domaćeg socijalizma* / Ur. L. Čale Feldman. Zagreb: Institut za etnologiju i folkloristiku, 2006. Str. 9–25.
- Prica I.* Potrebe duše, potrebe gospodarstva: autonomija i primjena humanistike na periferiji // *Stranputice humanistike* / Ur. P. Bagarić, O. Biti, T. Škokić. Zagreb: Institut za etnologiju i folkloristiku, 2017. Str. 89–110.
- Willis P., Trondman M.* Manifesto for Ethnography // *Cultural Studies — Critical Methodologies*. 2002. Vol. 2. No. 3. P. 394–402.
- Žitko M.* Autonomija, konverzija i status quo: Prema morfoloziji akademskog polja // *Horror, porno, enuii: kulturne prakse postsocijalizma* / Ur. I. Prica, T. Škokić. Zagreb: Institut za etnologiju i folkloristiku, 2011. Str. 141–153.

Research Article

Prica, I. The Work of Ethnologists in the Conditions of “Project Interdisciplinarity” [Postavljajući etnografski materijal: djelatnost etnologova u uvjetima “projektnog međidisciplinarnosti”]. *Etnografsko obozrenie*, 2019, no. 5, pp. 25–33. <https://doi.org/10.31857/S086954150007375-2> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Ines Prica | ines@ief.hr | Institute of Ethnology and Folklore Research (Šubićeva 42, 10000 Zagreb, Croatia)

Keywords

humanistic ethnography, interdisciplinarity, projectification, commercial restructuring, applicability of results

Abstract

The paper problematises the new conditions in which the humanities are operating, with special emphasis on the requirements imposed upon the institutional foundation and perception of disciplinary identity by the tendency of projectification. The analysis is more narrowly focused on the change in the perception and performative aspects of ethnology in the context of “project interdisciplinarity”. While in such a mosaic common field of various disciplinary claims and goals, it is primarily represented by the symbolic capital of its “famous” ethnographic method, the general ethnological insight, in final outcomes, often left deprived of the key disciplinary strongholds, together with the complex, although somewhat idealistic model of humanistic ethnography. Consequently, the trend leads to the reduction of the professional work of ethnologists to the “suppliers of material” for further analytical procedures and the later finalisation of the scientific product.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Croatian Science Foundation [IP-2016-06-7388]

Reference

- Bagarić, P. 2017. Kriteriji izvrsnosti u humanistici [Criteria of Excellence in Humanities in]. In *Stranputice humanistike* [Stranputice of Humanism], edited by P. Bagarić, O. Biti, and T. Škokić, 75–88. Zagreb: Institut za etnologiju i folkloristiku.
- Bagarić, P., O. Biti, and T. Škokić, ed. 2017. *Stranputice humanistike* [Stranputice of Humanism]. Zagreb: Institut za etnologiju i folkloristiku.
- Buchowski, M. 2004. Hierarchies of Knowledge in Central-Eastern European Anthropology. *Anthropology of East Europe Review* 22 (2): 5–14.
- Buchowski, M. 2006. The Specter of Orientalism in Europe: From Exotic Other to Stigmatized Brother. *Anthropological Quarterly* 79 (3): 463–482.
- Foucault, M. (1966) 2002. *Riječi i stvari. Arheologija humanističkih znanosti* [Words and Things: Archeology of Humanities]. Zagreb: Goldenmarketing.
- Mountz, A., A. Bonds, B. Mansfield, et al. 2015. For Slow Scholarship: A Feminist Politics of Resistance through Collective Action in the Neoliberal University. *ACME: An International Journal for Critical Geographies* 14 (4): 1235–1259. <https://www.acme-journal.org/index.php/acme/article/view/1058>
- Petrić, M. 2013. Akademski kapitalizam i uloga sociologije [Academic Capitalism and the Role of Sociology]. *Revija za sociologiju* 43: 273–288.
- Prica, I. 1995. To Be Here — To Publish There: On the Position of a Small European Ethnology. *Narodna umjetnost* 32 (1): 7–25.
- Prica, I. 2001. Mala europska etnologija. Zagreb: Golden marketing.
- Prica, I. 2004. Nasljeđe jugoslavenskih etnologija i suvremeno istraživanje postsocijalizma [The Legacy of Yugoslav Ethnology and Modern Research of Post-Socialism]. *Traditiones, Zbornik Instituta za slovensko narodopisje Instituta ZRI SAZU* 33/1: 19–35.
- Prica, I. 2006. Etnologija postsocijalizma i prije: Ili dvanaest godina nakon “Etnologije socijalizma i poslije” [The Ethnology of Post-Socialism before: Or Twelve Years after the “Ethnology of Socialism and after”]. In *Devijacije i promašaji: etnografija domaćeg socijalizma* [Deviations and Failures: Ethnography of Domestic Socialism], edited by L. Čale Feldman, 9–25. Zagreb: Institut za etnologiju i folkloristiku.
- Prica, I. 2017. Potrebe duše, potrebe gospodarstva: autonomija i primjena humanistike na periferiji [Soul Needs, the Needs of the Economy: The Autonomy and Application of Humanism in the

- Periphery]. In *Stranputice humanistike* [Stranputice Humanities], edited by P. Bagarić, O. Biti, and T. Škokić, 89–110. Zagreb: Institut za etnologiju i folkloristiku.
- Willis, P., and M. Trondman. 2002. Manifesto for Ethnography. *Cultural Studies — Critical Methodologies* 2 (3): 394–402.
- Žitko, M. 2011. Autonomija, konverzija i status quo: Prema morfologiji akademskog polja [Autonomy, Conversion and Status Quo: According to the Morphology of the Academic Field]. In *Horror, porno, enuii: kulturne prakse postsocijalizma* [Horror, Porn, Enuii: The Cultural Practices of Post-Socialism], edited by I. Prica and T. Škokić, 142–153. Zagreb: Institut za etnologiju i folkloristiku.